

КАРИНЭ НИКОГОСЯН, КСЕНИЯ ПАВЛЕНКО,
КИРИЛЛ ПУЗАНОВ, МАРИЯ СОКОЛОВА,
АНАСТАСИЯ ЮРКЕВИЧ

ПОДРОСТОК И ГОРОД:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИЛИ ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Никогосян Каринэ Сергеевна, научный сотрудник, старший преподаватель Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.

E-mail: knikogosjan@hse.ru

Павленко Ксения Викторовна, кандидат социологических наук, аналитик Центра исследований современного детства Института образования НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, г. Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10.

E-mail: kpavlenko@hse.ru

Пузанов Кирилл Александрович, кандидат географических наук, доцент, руководитель Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.

E-mail: kpuzanov@hse.ru

Соколова Мария Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра дошкольной психологии, старший научный сотрудник, Центр психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек, ФГБОУ ВО МГППУ; Российская Федерация, 127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29.

E-mail: sokolovamw@mail.ru

Юркевич Анастасия Юрьевна, ландшафтный архитектор, специалист в соучаствующем проектировании; принимала участие в проектировании и строительстве игровых площадок «Пирамиды» ЖК «Бунинские луга», «Оригами» ЖК «Саларьево парк», «Салют» в парке Горького, игрового бульвара в парке «Краснодар» и др.

E-mail: urtika-urens@yandex.ru

Сегодня взросление человека проходит в основном в урбанизированных средах. Поэтому всегда актуален вопрос о взаимоотношениях городского детского сообщества – и особенно подростков как отдельной группы – с пространством, в котором они живут. Для подростков город является местом встреч и досуга, играет важную роль в их взрослении и социализации. В последние годы особенно активно обсуждается вопрос о возможности комфортного города, который был бы дружелюбен к детям. С этим связан целый спектр тем: безопасность в городской среде, подростковая маргинализация, независимая мобильность и многие другие. Цель дискуссии – обсудить взаимодействие подростков и города, стратегии освоения ими городского пространства и пространственную сегрегацию.

Ключевые слова: город; городская среда; подростки; общественные пространства; партисипаторное проектирование

Цитирование: Никогосян К., Павленко К., Пузанов К., Соколова М., Юркевич А. (2020) Подросток и город: добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен//Городские исследования и практики. Т. 5. № 3. С. 7–19.

DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5320207-19>

Кирилл Пузанов (модератор): Когда мы говорим о подростках, мы подразумеваем, что это неоднородная группа. Помимо возрастной разницы есть различие в том, какие практики свойственны подросткам, и это зависит от множества факторов, в том числе в сфере образования. Определить эту группу как единую мы все же можем через начало периода независимой мобильности. При этом, глядя на взаимосвязь между пространственными образовательными практиками и независимой мобильностью, мы видим корреляцию – подростки, чье свободное время больше занято внешкольным образованием, сильнее контролируются взрослыми, а значит, оказываются более зависимыми в передвижениях. Нельзя сказать, что появилось больше объектов дополнительного образования. В советское время их тоже было довольно много: дворцы пионеров, музыкальные школы и пр. Откуда пришла мания домашних заданий, дополнительного образования и почему именно сейчас?

Ксения Павленко: Я не склонна давать оценку тому, хороша или плоха какая-то насыщенность образовательного пространства ребенка.

Если мы говорим о городе, то здесь встречаются два аспекта. Действительно, советская инфраструктура была очень богата, поэтому нельзя говорить, что предложений стало больше. Но появилась специфика, связанная с тем, что если родитель «хочет лучшего» для своего ребенка, то, конструируя его образовательное пространство и выбирая школу и учреждение дополнительного образования, он чаще всего будет стремиться найти кружки, секции, школу, которые находятся не в районе его проживания.

Вследствие этого ребенок не будет сам или вместе с друзьями перемещаться с одной секции на другую, тем самым сохраняя относительную самостоятельность. Скорее всего, его посадят в автомобиль, повезут в другой район, на другой конец города и передадут из рук в руки в какой-то другой кружок, какую-то другую секцию. Здесь встречаются тенденции, связанные с тем, что семья сейчас является очень активным конструирующим субъектом. Активно выбирает лучшие образовательные организации для своего ребенка, и зачастую семья с более значительными ресурсами стремится выбирать кружки и секции не около дома и не в школе.

Модератор: Давайте поподробнее поговорим о пространстве. Вы затронули тему потребления пространства, то, как ребенок осваивает город. Я хотел обратиться к Каринэ Никогосян и задать вопрос о паттернах потребления городского пространства, которые нам свойственны и которые во многом закладываются в детстве.

Обращаясь к своему индивидуальному опыту, могу сказать, что я прекрасно помню те районы, которые считал «своими» в детстве. И по мере взросления эта ситуация принципиально не поменялась. Да, мои школа и университет были в одном и том же районе, и я не особенно далеко переезжал от дома, где происходило мое взросление. Но все равно представления о разграничении пространства, о том, где «мое», а где «чужое», где «мы», а где «они», были заложены, по моему мнению, где-то в подростковом возрасте.

Как обстоят дела, если мы говорим об этом из исследовательской рамки — географической, возможно, психогеографической или ментальной географии?

Каринэ Никогосян: В этом контексте можно считать подростков первопроходцами. Они в первую очередь расширяют свой кругозор и осваивают новые пространства, новые территории. Изначально они отталкиваются от дома, квартиры, потом выходят в подъезд, двор, дальше возникают маршруты дом — садик — дом, дом — школа — дом, затем — выход в город, в новое пространство, происходит освоение новой большой территории, усвоение новой информации. Таким образом, дети и подростки сперва формируют ментальную карту своего района, потом это укладывается в какую-то отдельную часть ментальной карты города в целом.

И если первый этап (дом — двор — школа) проходит под контролем родителей, то очень важным становится переход к самостоятельному освоению городского пространства. И выход в город здесь — следующая ступень познания, стадия взрослого взаимодействия с городской средой. Вернемся к метафоре первопроходца: подростки осваивают это пространство, присваивают его себе и, как вы заметили, начинают разграничивать свое и чужое.

И здесь проходит второй этап этого освоения городского пространства через вторичную социализацию. Начинают возникать разного рода территориальные сообщества: футбольные команды, дворовые шайки, когда двор на двор идет, какие-то разборки. И здесь очень важно, что не только двор может служить подспорьем для их образования, это могут быть школы, какие-то «якорные» места, где эти ребята собираются.

Очень интересно также, что, чтобы отличить своего от чужого, создают общий вокабуляр. Какие-то местные топонимы, местные «словечки». Можно услышать «мы встречаемся на качелях» или «на острове», хотя город не прибрежный — что за «остров»? Не «свой» человек не поймет, а все «свои» знают, что это давно закрытый магазин, и без пояснения могут туда пойти. Это такая навигация, топонимика, лингвистика одного территориального сообщества.

Еще одна довольно интересная лингвистическая заметка. Я думаю, что это связано с молодежными компаниями, сообществами в целом. Ребята для простоты общения и для формирования своего языка упрощают этот язык. Так Чистые пруды превращаются в ЧП, Китайгород — в КГ, Новогиреево — в Новогир или Гирию. Не только «чужой» не поймет, о чем идет речь, но даже местные старожилы могут не знать, что их район так называется. Некоторые названия, наоборот, могут, входить в обиход и использоваться даже старшим поколением местных жителей.

И здесь прослеживается очень интересная взаимосвязь с обыденной жизнью всех местных жителей. Подростков в этом случае можно сравнить с селекционерами. Они пробуют разные инновации, вводят их в городской обиход, а дальше что-то приживается, а что-то нет.

Модератор: Меня в связи с этим мучает вопрос: что первое — курица или яйцо? Вы говорили, что подобные представления или топонимы приживаются и начинают появляться у старшего поколения. Они взрослеют вместе с пользователями. Насколько, по вашему мнению, подростки действительно являются именно первопроходцами? Не получается ли так, что они просто заимствуют те слова, которые используют их родители, родственники или старшие товарищи, тоже пользующиеся этим самым пространством?

К.Н.: Первопроходцы — это скорее про освоение пространства. Когда подросток проходит эти этапы, то он лично для себя оказывается первопроходцем, определяет, что есть город в его жизни. Осваивая пространство и вкладывая в него какие-то новые смыслы, подростки могут использовать районы, которые уже есть, которые признаны. Либо дополнять их. Подростки делятся на младшую группу и старшую. И младшая будет отрицать нормы, которые установлены старшими. «У нас будет свой мир!» Это некая параллельная реальность, параллельная дифференциация. Здесь нет правильного ответа. Может быть и так, и так.

Модератор: Вы уже затрагивали тему права на город. А насколько город принадлежит или не принадлежит подросткам? Какие его части приспособлены или не приспособлены для пользования?

Исходя из того, что мы уже обсудили, сейчас подростку принадлежит, например, класс в школе либо группа на кружке, а все остальное пространство — это пространство транзита, которое нужно преодолеть, чтобы попасть в необходимое помещение, в котором уже будет происходить некоторое событие. В связи с чем у меня вопрос к Анастасии как архитектору, которая сама пытается представить, как должно существовать подобное пространство, и в том числе спрашивает у самих подростков, что они думают, какое пространство они хотят.

Во-первых, насколько правильно говорить о пространстве для подростков? Весь город принадлежит взрослым. И мы загоняем подростков и детей в такие «загончики», в которых они якобы должны чувствовать себя спокойно, безопасно, и многое другое, что придумали взрослые люди. Но иногда хочется поиграть, поразмышлять о празднике непослушания.

Что, если подобные пространства не нужны? Что, если весь город должен принадлежать подросткам? Я хочу услышать ваше мнение, Анастасия. Пространство для подростков — это насилие над подростками или это какая-то помощь, работа с ними?

Анастасия Юркевич: Это отличный вопрос. Мы знаем и о нормах, и о каких-то внутренних правилах игр, что существуют площадки для малышей, для младших школьников, средних школьников, что есть зоны подростковые и есть зоны отдыха, которые считаются зонами для взрослых. И с одной стороны, это общепринятые нормы и правила. Но с другой — мы замечаем, что взрослые люди и дети совместно очень хорошо играют. Малыши подтягиваются к взрослым, взрослые становятся более ответственными, если играют с малышами.

Достаточно сложно ответить на этот вопрос. Но в то же время некоторые разграничения быть должны, потому что у позиции, согласно которой все должны жить вместе в одном пространстве, есть и отрицательные стороны.

Когда подростки не находят себе места в городе, они пытаются занять те места, которые не предназначены для них напрямую. Часто это бывают детские площадки. Мы замечаем негативные влияния подростков на детские пространства, когда и детям, и взрослым не хочется там находиться. Иногда это бывают пространства, которые становятся единственным местом, где подростки могут находиться. Мы замечали, что очень часто такими пространствами становятся лестничные клетки, подъезды, гаражи.

Это история не только маленьких, но и крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург. Когда подростки не находят себе места, не находят себе зону существования, они выбирают быть в том месте, где чувствуют себя безопасно, или чувствуют, что в этом месте могут поэкспериментировать.

В связи с этим я бы хотела рассказать вам о нескольких наших небольших мастер-классах, на которых мы работали с разными подростками. Построены они были по одному сценарию. Сначала мы чему-нибудь их очень быстро обучали, за одну маленькую лекцию, затем они получали общее задание на разработку какого-нибудь проекта для школы.

Если говорить про лекцию, некоторые слушали ее с удовольствием, открыв глаза, впитывали, а некоторые просто скучали, ждали, когда она закончится. Суть была в том, что это абсолютно разные подростки, но получали они одну и ту же информацию и делали в итоге приблизительно одно и то же — макет. Можно было объединяться в группы, можно было не объединяться, никто им ничего не навязывал. Задача была одна и та же — сделать что-то для себя или для кого угодно другого.

Итак, первый кейс — это одна из самых интересных московских школ, Школа Тубельского. Ее называют «школой самоопределения», у нее собственный характер, высокий показатель поступления школьников в отличные вузы. Это был самый крупный наш кейс и достаточно подробный.

Подростки были самые разные. Было много и достаточно маленьких детей, и ребят постарше, на которых мы и рассчитывали первоначально. В этом проекте были задействованы также и родители. Они участвовали достаточно активно, будучи одной из движущих сил этой школы. Мы с ними исследовали школу, поскольку это общественное пространство и одно из тех пространств, которые созданы именно для подростков-школьников, но часто ими не используется. И нашей задачей было попытаться сделать ее хотя бы на макете такой, какой видят ее сами школьники.

Мы специально выбрали такую форму, как макет, потому что, например, рисунок — это плоскостное выражение задачи и многие не мыслят его так объемно, как хотелось бы. А макет позволяет воссоздать объем, почувствовать масштаб. И с другой стороны, это работа с материалами. Мы хотели по мере возможностей использовать природные материалы, чтобы дети, подростки могли почувствовать тот материал, с которым работают.

У нас получился интересный результат. Ребята проектировали, думали, принимали решения, кто-то что-то рисовал, и при этом активно участвовали родители. Дети были вовлечены до конца, они очень много сделали и с удовольствием. Но нам показалось, что взрослые своими идеями, своей энергией быстро погасили энергию детей. Это стало очевидным после того, как мы провели другой мастер-класс с теми же ребятами, но без взрослых. Дети пришли второй раз, потому что макетирование их заинтересовало. Результат, который мы получили на новом маленьком мастер-классе, оказался несравнимым с предыдущим. Ребята были высказаны такие серьезные, глобальные, интересные и неожиданные идеи, которые совершенно не появлялись в первый раз. Результаты первого мастер-класса были как будто загнаны в рамки рационального: как это реализовать, сколько денег может на это потратиться, что кажется взрослым безопасным. Здесь же дети об этом совсем не думали. Для начала они объединились в группы так, как хотели: некоторые делали индивидуальный проект, некоторые объединились с братьями и сестрами, некоторые, наоборот, держались отдельно от своих семей. И на этом мастер-классе были реализованы наиболее неожиданные и интересные идеи. Абсолютно не похожие ни на что и не похожие на предыдущий несколько приземленный, простой, но достаточно хороший проект. Например, была примечательная идея у одних девочек. Они предложили сделать мешок, темный внутри, чтобы залезать туда, когда грустно и плохо. Этот темный мешок обволакивает, создается ощущение, что он как будто обнимает тебя. Мне кажется, что эта идея стратегически очень интересна и показательна в том числе для психологического состояния.

Есть еще один кейс в Тобольске. В нем участвовали девятиклассники и студенты колледжа, которых мы тоже считали группой школьников. Они пришли туда только потому, что их привел классный руководитель, и очень скучали, слушая лекцию. А после им нужно было сделать задание, потому что иначе их бы просто не отпустили.

В итоге они увлеклись. Мне показалось, что они с удовольствием делали задание и потом фотографировали свои работы. Работы получились интересные и качественные, они совершенно не совпадали с теми идеями, которые были в Школе Тубельского. И даже тот факт, что здесь не участвовали взрослые и фактически участники были предоставлены сами себе, показал, что их идеи совершенно просты и очевидны. Они в основном сводились к тому, что есть в городе: дорожки, скамейки, деревья и качели, это мост, арка, это зона для фотографирования и пр. Эти идеи свидетельствовали не о какой-то глубине погружения в городской ландшафт, а скорее о его возможном многообразии. Хотя некоторые участницы воркшоп собирались поступать в архитектурные вузы или на дизайнерские специальности, набор предложенных составляющих можно было пересчитать на пальцах одной руки.

Последний кейс, о котором я хотела бы рассказать, был в Минске. Здесь собрались подростки, которые готовились к поступлению в архитектурный вуз, и они уже много чего умели, пользовались профессиональными программами. Их разделили на две группы, и у них было два ментора по социологии. Ребята делали общественное пространство минских набережных. Им нужно было сделать пространство для себя, пространство для малышей и для взрослых. Это была интересная работа с внутренними дискуссиями. Участники дневали и ночевали в студии три полных дня, разрабатывая проекты.

Вот что я хотела бы отметить, говоря в целом о проектах и подходе. Участников всех кейсов мы просили:

- представиться и развернуто рассказать о себе;
- коротко рассказать о проекте;
- рассказать, кого бы они туда пригласили;
- рассказать о месте, где они сами хотели бы находиться, — где они в своем проекте?

И ответы на четвертый вопрос стали для меня открытием. Этот вопрос вскрыл, что многие из них — я бы сказала, абсолютное большинство — не знали, где хотели бы находиться. Они делали это место для кого угодно — для своих сестер, братьев, для малышей, для пожилых людей, для семьи.

Такие ответы были очень характерны для Тобольска. Возможно, это обусловлено религиозным составом: там довольно много мусульманских семей. Подростки из таких семей особенно подчеркивали, что делают это пространство для семьи, для родителей. Высказываний вроде «я сюда пойду со своим парнем» или «я буду здесь одна» было очень мало. Большинство ребят делали это пространство для кого-то, кроме себя.

Подводя итог, я бы хотела сказать, что у меня пока нет объективного и четкого представления о месте таком, каким оно должно быть для подростков. Мы знаем, что хорошо обустроить места для спортивных активностей, например скейт-площадки. Но это абсолютно не касается большинства, это касается какого-то определенного контингента детей-подростков. Как сами подростки, так и мы, наверное, не сможем найти четкое определение места для подростков. Скорее всего, это будет набор всего что возможно.

Мне кажется, что бриф для проектирования такого места может выглядеть так: дать пользователям, самим подросткам, возможность максимально попробовать все, что они хотят, то есть возможности своего тела, возможность быть одному и быть в компании, попробовать поломать что-то, поменять, изменить, сконструировать, что-то доделать, переделать. Думаю, таким должно быть место, которое мы обсуждаем.

Резюмирую: мы еще в поиске, но есть аспекты, которые мы уже смогли учесть в своей практике.

К.Н.: Вы обозначили очень интересные моменты, похожие на считывание географического пространства. Подростки — это некая переходная группа во взрослую жизнь. Нет подготовительного этапа, подростки просто оказываются в открытом море городского пространства и дальше в силу открытости и юности, отсутствия внутренних ограничений — что у вас в проекте было описано очень ярко — наполняют новыми функциями имеющиеся объекты.

Я хотела бы еще привести пример МЦК. В 2016 году, когда его запустили, одной из первых групп пользователей стали подростки, которые просто использовали МЦК как аттракцион. Затем это начали делать и взрослые люди. Оказалось, что это комфортная среда и они готовы проводить в ней время. Изначально же никто не думал, что на МЦК можно просто кататься. Первоначальная функция у него транспортная, МЦК был запущен, чтобы куда-то доехать.

Именно эту открытость подростков я имею в виду, они могут наполнять пространство теми функциями, которых они хотят. Но город пока не предоставляет им специализированных мест. Скейт-площадки — это только что-то первичное, ориентированное на определенную группу. Но творческий подход подростков к пространствам, мне кажется, надо учитывать, стоит рассматривать их как селекционеров новых идей.

А.Ю.: Мне понравилась ваша аналогия с тем, что подростки приходят в новую жизнь. В этом возрасте мы выбираем профессию, очень часто ошибаясь, но это в том числе про возможность выбора. Мы еще мало знаем о себе, мы только научились каким-то базовым функциям. Мне кажется, что в коммуникации у подростков, как и у взрослых, на самом деле много игровых моментов. Узнавание себя психологически, физически, социально, возможно, с помощью

игры. И через игру они могли бы понять себя больше, если бы у вещей вокруг них была более высокая вариативность.

Мария Соколова: Мне хотелось бы сделать несколько важных, на мой взгляд, ремарок. Во-первых, в мире — не только в Москве, но и в Европе, Америке, Австралии — у подростков появилась возможность участвовать в проектировании и создании тех мест, в которых они непосредственно существуют.

Думаю, это нужно всячески поддерживать, потому что дело здесь не только в том, что мы спрашиваем у подростков, что им нужно, как они хотят, чтобы это место, в котором они существуют, выглядело, что там должно быть. Это еще и возможность более точно и тонко понять те потребности, которые есть у этой возрастной группы, и попытаться реализовать их в разных проектах. То есть в результате мы на самом деле лучше понимаем, что нужно ребятам в этом возрасте.

Во-вторых, — и мне кажется это еще важнее — формирование активной позиции. Подросток, у которого есть возможность принять участие в развитии города или места, в котором он живет, это формирование активной гражданской позиции и возможность присвоения места, в котором он будет дальше жить. Это отчасти снимает нормальное для подросткового возраста конфронтационное поведение вообще со всеми. Дает возможность проявить себя, лучше узнать и понять себя, присвоить это место и, таким образом, взять за него ответственность. В итоге это и формирование активной гражданской позиции, и формирование активной позиции в целом. То есть когда город, как будто с точки зрения взрослых, говорит: «Подросток, я тебя вижу, я тебя слышу», он дает возможность быть активным. И это допускает взятие на себя ответственности за данное место, что, в свою очередь, в разы снижает уровень вандализма.

Хочется отметить, что один из самых сложных вопросов для психологов и педагогов — о том, когда взрослый может вмешиваться в деятельность ребенка, его общение, игру, интересы, выбор профессии и многие другие вещи. И здесь важно соблюдение баланса, потому что, с одной стороны, участие взрослых позволяет подростку расширить взгляд (это очень хорошо видно в примерах Анастасии). Когда мы предлагаем не просто сделать тот же самый крутой мешок или скамейку, а указываем на то, что проблема, на самом деле, шире. Потому что прежде, чем что-то предлагать для этой территории, ее нужно исследовать, нужно понять то многообразие аспектов и проблем этой территории. А еще учесть разные точки зрения среди подростков. Взрослый отчасти задает широту спектра, широту ответственности за весь этот процесс. Это позволяет проекту или идеям быть ближе к реальности или принимать во внимание больше аспектов тех историй, которые в этой реальности есть.

Но в то же время всегда остается вопрос: а не убиваем ли мы этим креативность подростков, их фантазию и спонтанность, которые рождаются в их игре, в свободных поисках фантазии?

Мне бы очень хотелось, чтобы мы удерживали этот момент при работе с подростками: когда мы можем вмешиваться, а когда нет, и как мы задаем общую линию развития процессов.

Модератор: У меня технические вопросы к Марии и Анастасии по поводу проектов, которые были сделаны с подростками. Правильно ли я понял, что свое место не нашли только старшие подростки, которые готовились к поступлению в архитектурные вузы? А младшие подростки, которые лепили из пластилина и втулок от туалетной бумаги, свое место прекрасно определили?

Но я думал, что здесь есть момент излишнего структурирования подростков. Что на самом деле они прекрасно свое место знают и прекрасно представляют, где хотят находиться и что делать. И когда мы им начинаем навязывать, предлагать какие-то готовые сценарии («А давайте вы сделаете набережную или общественное пространство»), что сейчас очень популярно, они в тот же момент начинают продуцировать очень понятные дискурсивные истории, в которых подростку места нет.

М.С.: Давайте я коротко прокомментирую то, что касается возраста. Я соглашусь, такая тенденция есть. С младшими подростками ситуация немножко проще. Они активнее включаются в деятельность, предложенную взрослым. В случае с подростками постарше, если мы предлагаем как взрослые: «А давайте мы сделаем какой-нибудь проект для вашей школы, для вашего района», вовлечение происходит достаточно сложно. Если говорить о московском контексте, то подростку, который живет в Бирюлево или Медведково, сложно сделать проект для Новогиреево. Это абсолютно абстрактные вещи. Если речь о них, об их деятельности, то младшие подростки готовы включаться в эту деятельность. А у старших подростков нет такой вну-

тренней потребности отвечать на запросы взрослого. Это то, что предлагаем мы, а не то, что предложили они. Поэтому вот здесь случается самый большой конфликт. Когда подростки приходят и говорят: «Мы тут хотим сделать вот такое» — тогда дело идет очень быстро. Но если мы придем к старшим подросткам, то какими бы креативными и поддерживающими, классными и сильными психологами, архитекторами или дизайнерами мы ни были, это все равно будет не их потребность, не их запрос, поэтому здесь возможны самые разные сценарии. У кого-то этот запрос совпадет с внутренними потребностями, а кто-то в силу подросткового возраста займет позицию протеста. Поэтому когда сами подростки приходят и говорят: «У нас есть крутая идея, мы сейчас здесь вот так все сделаем» — складывается совершенно другой разговор. В таком случае мы как раз упираемся в специфику возраста.

Теперь, отвечая на первый вопрос нашей беседы, мне бы хотелось прокомментировать высказывание о том, почему родители так много возят подростков. У взрослых — и это важная современная тенденция — очень много тревог по поводу подростков, их успешности, образования, уровня развития. Отсутствие четких критериев — достаточно или недостаточно того, что делает родитель для подростка, чтобы он был успешен, — и вызывает эту тревогу, которая провоцирует множество интенций — надо и в этот кружок, и в тот, и еще в один. Подростка вообще не спрашивают, чего он хочет, потому что у взрослого есть концепт, которому ему нужно соответствовать.

Вторая важная история — это страх перед бездействием ребенка. Подросткам свойственно бездействие. В определенном возрасте они склонны лежать на диване и вообще ничего не делать. Родитель испытывает дичайший страх перед тем, что уже послезавтра ОГЭ, ЕГЭ, поступление в Кембридж, а ребенок лежит на диване, — отсюда интенции: давайте запишем его в 600 кружков, чтобы он не лежал на диване, не шатался по улице, не участвовал в неприятных взаимодействиях.

Эти возрастные специфики очень сильно отразятся на том, как подросток будет осваивать город, как он будет по нему передвигаться и как он будет включаться в те деятельности, которые ему предлагают или не предлагают взрослые. Мы должны учитывать это, если будем что-то делать для них, вместе с ними.

А.Ю.: Я бы хотела кое-что еще сказать по поводу кейсов. Вкратце, я считаю, что ваш, Кирилл, комментарий по поводу того, что люди, загнанные в более строгие рамки, проектировали менее свободно, верен.

Но еще я бы хотела отметить, что в каждой группе были люди, которые делали что-то невероятное и интересное, и в каждой группе были те, кто не мог себя найти или сделать что-то для себя. Вопрос был в том, каково соотношение и тех и других в группах. Например, в «Школе Тубельского», которая пока для меня является эталонной группой, были ребята, которые не могли найти место, хотя обладали наиболее широкими возможностями и знаниями.

Я хочу особенно подчеркнуть, что школьники из «Школы Тубельского» проявляли себя как люди, которые много чего уже успели пробовать. Когда мы предлагали им что-то, чтобы раскачать их, можно было набрасывать идеи, что-то рассказывать, а они готовы были пробовать и не боялись это делать. Напротив, подростки из минской или тобольской школ как будто боялись сделать некрасиво. Например, когда мы разрабатывали макет, я старалась донести до них, что он вполне может быть неряшливым, потому что и природа стихийна, и мы создаем своего рода образ нашего пространства. Но даже в этом случае они все равно были настроены обязательно быть аккуратными и сделать качественные изделия. Было очень сложно донести до них мысль, что качественной должна быть идея, а не изделие.

Модератор: Хотел бы остановиться на теме узнавания собственных желаний. Вы говорили, что подросткам при проектировании было сложно услышать самих себя. Но одновременно мы наблюдаем самостигматизацию: подросток понимает, что ему не место в конкретном пространстве. Вспоминая себя в подростковом возрасте, я понимаю, что в определенные места я не ходил просто потому, что понимал: они созданы не для меня, меня там не ждут, меня там не хотят видеть. Это накладывало определенные ограничения на мои перемещения. Возможно, я не пошел бы и в условные музеи, библиотеки, которые сейчас активно разворачиваются к подростку. Узнавание собственных желаний против самостигматизации. Не могли бы вы прокомментировать эту оппозицию?

А.Ю.: Я попробую ответить, учитывая имеющиеся у меня кейсы. Я отвечаю только за то, что видела и поняла. Возможно, из-за того, что мы приложили много усилий, чтобы создать

неформальную обстановку, где нет надсмотрщиков, нет учителей, нет неправильных решений и вообще можно делать все что хочешь, я не заметила эту самостигматизацию.

Были моменты, когда подростки сомневались, можно ли что-то сделать, потому что им казалось, что это решение неправильное. Я спрашивала: «Будете ли вы сидеть на скамейке или на спинке скамейки?» И они отвечали, что будут сидеть на скамейке, а потом смеялись. Это была условная игра, потому что для них я все равно была сторонним человеком, у которого как будто бы есть заготовленные правильные ответы, есть внутреннее осуждение. Но поскольку над заданиями надо было работать долго, — в это время мы ходили, общались, шутили, — дистанция очень быстро исчезла. В итоге я все же могу сказать, что самая большая сложность состояла в том, чтобы ребятам понять себя и то, что нужно сделать. Некоторые из участников так и не вышли за рамки того, что можно спроектировать не просто дорожки и расставить скамейки, а придумать что-то более интересное, сложное. Парадоксально, это оказывается достаточно сложной, иногда непосильной задачей.

Поэтому я бы хотела сказать, что в этом возрасте подростку важно познать себя по-настоящему. Честно ответить себе на вопрос: «Хочу я сидеть на краю крыши или сидеть на красивой лавочке возле дерева?» Признаться себе внутри, что хочешь первого, и спроектировать подобное.

М.С.: Хочу обозначить три момента. Во-первых, место становится моим, когда там для меня как для подростка происходит что-то важное. Это могут быть отношения, которые там случились: хорошая дружба, интересное дело, интимные отношения (кто-то мне понравился в этом месте). Так место получает маркер «хорошее место, куда я хочу вернуться». Для мальчишек, например, это в большей степени место, где они получили какой-то крутой опыт, где они столкнулись с каким-то вызовом, что-то испытали и получили новые классные инсайты о себе, своих силах, своих возможностях. Такое место тоже может становиться «своим».

Во-вторых, и это самое важное, место становится своим, когда я могу там что-то делать. Подтверждение тому — огромное количество «площадок приключений» (от англ. Adventure Playground — *Прим. ред.*), которые активно используются подростками во всем мире. Это место, куда я могу прийти и все переделать. Там все не так хаотично, как может показаться, площадка существует по некоторым правилам, и все же подросток может прийти и что-то переделать, пересобрать, построить заново. Это место, которое нужно ребятам, его можно назвать мастерской. Место, где я могу что-то преобразовывать, овладевать какими-то новыми способностями, умениями.

В-третьих, совсем здорово, когда ты подросток и кто-то тебя спрашивает. Потому что иногда подростки находятся в состоянии глубокой задумчивости, переживания своего тела или каких-то постоянных выборов. И такие вопросы, как «Что тебе нужно?», «Что ты хочешь?», «Как ты себя чувствуешь?», возвращают к себе и заставляют посмотреть внутрь. Тем более когда в этом спрашивании достаточно любви и безопасности и это происходит в той обстановке, в которой подростки эти любовь и безопасность получают.

Но это общие мысли по поводу подросткового возраста в целом, основанные на чтении литературы и изучении подросткового возраста.

Модератор: При этом мастерская должна быть без яркого образа мастера, который там хозяйничает?

М.С.: Там нужен фасилитатор, который поможет, что-то подскажет, ответит на вопросы, немножко смодерирует и уладит конфликты, неизбежно возникающие среди подростков, которые, возможно, еще не освоили стратегии копинга¹, то есть их разрешения. Человек, который поможет отрегулировать все эти «пожары», иногда возникающие у подростков. Хотя есть подростки — среди них есть и юноши, и девушки, — которые с удовольствием пойдут и за мастером. Все зависит от того, каков мастер и как он себя предьявляет.

Но в любом случае это место, где происходит что-то важное для меня, где я могу попробовать что-то крутое, классное, отвечающее моим потребностям. И место, где я могу что-то менять.

К.Н.: Очень интересно сравнить проектные решения, когда мы приглашаем подростков и предлагаем им пофантазировать над проектом. Иногда сталкиваемся с непониманием самого результата и с идеей самоорганизации в городе. Наверное, все знакомы с примерами

¹ От англ. cope — справляться.

двух московских пространств — парком «Горка» напротив синагоги в Большом Спасоглинищевском переулке и «Ямой» на Покровском бульваре. Если «Яма» ориентирована на молодежь старшего возраста (студенты первых курсов и старше), то «Горка» представляет собой как раз пример освоения пространства уже старшими подростками. Ребята из «Горки» отделяют ребят из «Ямы», это две разные возрастные «группировки». Пространства территориально находятся в одном районе, и сравнивать их тоже очень здорово. Например, согласно проектному решению, «Горка» может использоваться разными группами, там есть скейт-площадка, часть пространства расположена на возвышении, откуда можно лицезреть все, что происходит вокруг, есть полутемная часть, где можно чем хотите заниматься. Молодежь сама захотела проводить там время, «захватила» это пространство. Причем это ребята не только из ближайших домов, но и из разных районов города. Местным жителям не нравится, что здесь собирается такой контингент. Вроде бы есть специально спроектированная площадка, но все равно возникает конфликт. И тогда интересно, как на него реагировать.

«Яма» как городской кейс — это очень примечательно. Это не проект, при создании которого участвовали подростки, но они сами создают это пространство. Эти примеры выбиваются, они девиантны. Что вы думаете об этих различающихся подходах, коллеги?

А.Ю.: Стратегически такие кейсы очень сильные, если смотреть на них именно со стороны подростков. Но я считаю, что это скорее феномен. Можно объяснить, почему подростки собираются именно в этих местах. Мне кажется, Чистые пруды и их округа — это место с историей, условно — место для сбора подростков. И мне нравится, какие вещи происходят в приведенных в пример пространствах. Во-первых, мне кажется, что оба эти пространства созидательные: в них нет драк, беспорядков, валяющихся на земле наркотических средств или следов от всего этого. Там есть интересное подростковое времяпрепровождение.

Если вы помните, прошлым летом (летом 2019 года. — *Прим. ред.*) «Яма» была местом протеста. У школьников появилась возможность выразить себя, заявить, что у них уже есть свое мнение, что они могут сказать о себе и тоже переживают за свою страну, тоже понимают что-то в политике, понимают, что что-то происходит.

Мне показалось, что это очень важный момент, красивый момент, показывающий, как эти места работают. В них нет вандализма, нет столкновений стенка на стенку. Это созидательные места. Они шумные, там много употребляют алкогольные напитки, потому что рядом много баров. И вы сами, наверное, видели выставленные там ряды бутылок. Это своеобразный бриф, тоже показатель. Это то, что мы можем. Это то, как мы можем.

Поэтому я эти два кейса очень люблю и постараюсь их изучить побольше. Мне интересно не только поверхностно, почему эти дети там собираются, но и глубинно, что за процессы там происходят: как они там знакомятся, как объединяются или не объединяются, есть ли там места, где можно действительно побыть одному, что они там ищут и почему они это находят.

К.Н.: А можно ли искусственно создавать такие пространства? Изначально же не планировалось, что «Горка» или «Яма» будут местами для проявления всех описанных вами явлений. Это общественные пространства, и предполагалось, наверное, что люди там будут вести себя чинно и отдыхать.

И вот последние новости. «Горку» планируют обставить забором, потому что местным жителям не нравится, что она привлекает много молодежи. И очень интересно, что будет дальше, уйдут ли подростки оттуда или подстроится под новый режим. Мне кажется, что режим провоцирует появление новых практик, которые привносятся на территорию. И как только ситуация начинает регулироваться, подростки либо пытаются отстоять эту территорию, либо уходят оттуда.

Модератор: Мне кажется, что случай «Горки» и «Ямы» не столько даже про подростков, сколько в принципе про «правильные» общественные пространства Москвы. И это нормальная градостроительная деятельность. Это не только подростковые пространства. Я знаю много людей других возрастов, которые тоже любят эти места и предпочитают их посещать.

Здесь общая тема — право на город: местные жители хотят одного, пришедшая группа пользователей хочет другого. И надо уметь договариваться. Это про культуру диалога, которая категорически потеряна в нашей городской культуре. Я бы хотел передать слово Ксении.

К.П.: Вы говорили о том, что мы, взрослые, организовали подростка. Я бы так подытожила: является ли это проблемой? С одной стороны, когда что-то меняется, всегда возникает вопрос: плохо это или это просто теперь по-другому? Жизнь подростка, школьника младших классов,

действительно меняется. Она стала более структурированной, более организованной. Стало меньше рискованных практик, рискованного поведения, меньше опытов.

Не знаю, будет ли в этом романтизация, если сказать, что в детстве важно крыс за хвост носить, щенков перетаскивать из одного гаража в другой. На самом деле, большой вопрос — становится ли лучше, хуже или просто по-другому оттого, что все эти практики в той или иной мере рискованного поведения (то же сидение на крыше) — уходят.

Думаю, чтобы ответить на этот вопрос, важно понимать, выполняются ли сейчас где-то те функции, которые выполняла среда, в которой ребенок мог иметь опыты самостоятельности. Тренирует ли сейчас подросток свою самостоятельность где-то в другом месте, учится ли общаться с абстрактным, иногда не очень дружелюбным незнакомцем? Если мы на этот вопрос ответим, то мы поймем, хорошие это перемены или плохие.

Мы говорили о том, что подросток не понимает себя, отчасти не знает, чего хочет, слишком хочет быть социально одобряемым. Это тоже связано с тем, что, возможно, у него ранее не было места для того, чтобы быть субъектом, быть самостоятельным и потренироваться в том, чтобы в том числе и себя понимать. У меня родилась идея следующей симуляции. Чтобы пойти на войну, надо научиться воевать. И можно научить человека воевать, отправить на войну, и он там с какой-то вероятностью, тренируясь, погибнет. А можно создать безопасный симулятор, где он будет тренироваться. Будет ли этот симулятор идентичным какой-то реальности или нет? Вот, наверное, и мы, как взрослые, идем по этому пути, создавая такие пространства и симулякры, где подросток мог бы безопасно тренировать собственную самостоятельность.

Модератор: В связи с этим у меня лично всегда возникает вопрос о степени безопасности и, как следствие, о степени условности происходящего, поскольку получается такая боевая операция без риска. Учиться воевать, играя в компьютерную игру, невозможно. Именно поэтому у нас военные учения проходят в максимально приближенной к реальности обстановке. Не совершаем ли мы подмену, пытаемся защитить и подготовить к миру, который изменчив, к миру, к которому мы сами как взрослые (если посмотреть на то, что происходит сейчас вокруг нас) едва ли готовы лучше, чем подростки. Возможно, даже лучше, если мы говорим об уходе в онлайн. Отдельный вопрос: а к какой войне мы готовим? И к какому такому взрослению мы должны их подготовить, запрещая им быть взрослыми уже в тот момент, когда они этого хотят?

Один из последних вопросов, которые я задам, будет про степень серьезности. Серьезность — это, казалось бы, атрибут взрослого человека. Мы считаем подростков не очень серьезными, мол, у них нет того, что мы называем «взрослыми» суждениями. У нас даже в языке это сохраняется.

У меня был опыт преподавания геоинформационных систем в девятом классе. Это было порядка пяти — семи лет назад. Я учил детей делать карты. И предложил девятиклассникам за переменку самим придумать тему, которая будет им интересна. Мне было важно, чтобы они картировали то, что сами захотят, на территории около школы.

Школьники сказали, что хотят сделать приложение, в котором можно будет фотографировать надписи «соль» и «спайс», и фотографии будут автоматически отсылаться в надлежащие органы. Я не ожидал этого, так как думал, что это будет стереотипная подростковая история. Но нет — это решение социальных вопросов. Наш разговор про «Яму» затрагивает тему политических высказываний подростков.

Насколько подросток — это серьезно? С учетом того, что мы обучаем их нон-стоп. Насколько серьезным современным подросток становится? Не лишаем ли мы его взрослой субъектности, не давая высказываться открыто, разговаривая с ним на заранее нейтральные, выхолощенные темы, к которым он, по нашему мнению, готов?

М.С.: Мне кажется очень правильно, что наша беседа свернула в сторону онлайн, компьютеров, экранов и так далее. Мне кажется, подростки и дети уже давно ярко показали нам, что у них есть огромный интерес к этой области. Много прорывных историй совершается именно там. Все эти рискованные пробы достаточно часто совершаются не в реальности, не на детских площадках, не на заброшках, не на прудах и так далее, а в интернете. И чаще всего взрослые о них ничего не знают. Это первый аспект этой проблемы.

Второй — для нас как для психологов, педагогов всегда остро стоит вопрос: посилен ли для подростка тот уровень стресса, который он получит от возможного вызова? И если он ему по силам, он его сам ищет, то можно сказать, что ему такой опыт нужен. Это те самые акты развития, которые для подростка характерны, иначе он не двигается вперед.

Мне кажется, здорово, что обсуждаемые нами общественные пространства появились. Это прецедент, его надо изучать, он требует к себе особого внимания. Мне кажется, что основной проблемой здесь стал дефицит работы с местными жителями — с тем, что и как они могут перенести, какое общественное пространство вокруг себя они могут выдержать, — и с теми, кто, возможно, принял бы участие в проектировании самой сути и самого содержания. Этот опыт было бы здорово учесть в последующих проектах, провести какую-то беседу, акции совместного проектирования с местными жителями, потому что такого проектирования не было. Я знаю эту историю изнутри, потому что провела очень много времени вокруг «Ямы» до ее строительства, во время строительства и после, среди моих друзей очень много местных жителей, мой сын-подросток проводит там время. Для меня эта ситуация очень живая. Там происходит много неприятных историй, иногда криминальных. Поэтому с точки зрения города, взрослой позиции, нужно подойти к проектированию таких пространств более серьезно.

Модератор: Я предлагаю вам начать отвечать на вопросы из зала, которые были адресованы всем участникам.

Вопрос из зала: Что все-таки делают подростки из семей среднего класса во время, свободное от обучения? Или можно ли сказать, что подобные активности и есть, с точки зрения родителей, что-то вроде досуга?

И сразу второй вопрос: как в пространстве города распределены пункты предоставления образовательных услуг относительно места жительства? Какие стратегии используют родители, выбирая места обучения для своих детей?

К.П.: Если подробно отвечать, то это, конечно, будет очень долго. Есть простой ответ на эти вопросы, и ответ такой: по-разному. И эту мысль я сейчас попытаюсь объяснить.

У нас было одно исследование, где мы пытались выявить разные досуговые семейные стили. И отвечая, как минимум, на первый вопрос о том, что делают подростки, следует сказать, что в обществе есть тенденция к относительно гомогенным стилям жизни. В зависимости от того, к какому стилю принадлежит та или иная семья, можно долго говорить о том, откуда он берется, как он формируется, можно и про ленту в Facebook говорить, и про информационные пузыри, и про то, что мы все находимся в этих информационных пузырях и внутри мы друг друга понимаем и относительно гомогенны, а когда выходим за их пределы, то уже плохо понимаем и представляем себе жизнь и реальность.

Есть мнение — эти жизненные стили довольно сильно различаются. И то, каким будет досуг подростка, семейный досуг, совместный, индивидуальный, это в значительной степени будет зависеть от того, к какому стилю относится та или иная семья.

Получившиеся стили у нас были довольно интересные. Был, к примеру, стиль, связанный с классическим потреблением тех благ, которые предоставляет современная цивилизация, и стили, связанные с более сложным культурным потреблением, если мы говорим про практики досуга. Но это сложное культурное потребление тоже разнилось по своему содержанию. Где-то это в большей степени были определенные ивент-мероприятия, а где-то то, что раньше считалось культурой, то есть посещение театров и выставок. Это стало отдельным обособленным стилем.

Вопрос из зала: Какие стратегии используют родители в потреблении образовательных услуг?

К.П.: Я уже отчасти об этом говорила, здесь интересным является тот факт, что средне-статистическая семья, родители с высшим образованием, стремится выбрать для ребенка те кружки и секции, которые находятся не в школе. Это стремление забрать ребенка из школы во второй половине дня. Конструировать образовательное пространство так, чтобы, может быть, просто разнообразить его или же заменить что-то, если в школе не устраивает.

Если у родителей есть финансовые ресурсы, то это будет не бесплатная инфраструктура кружков и секций, которые достались нам с советского времени, а какие-то коммерческие кружки. Если есть возможности, то они будут стремиться возить ребенка и предоставлять образование ближе к центру. Ландшафт и дизайн этого образовательного пространства ребенка будут, конечно, во многом зависеть от ресурсов, которые есть у семьи.

Вопрос из зала: Вы говорили, что подросткам нужен какой-то симулятор для столкновения с настоящей жизнью, чтобы потом можно было сказать, что они крысу тягали, и так далее. Насколько это важный вклад во взрослую жизнь?

Немного раскрою свой вопрос. Если мы берем, скажем, подростков из среднего класса, то им в принципе такой симулятор недоступен. У них все время занято какими-то образова-

тельными или иными досуговыми практиками, отличающимися от тех практик, которые — это я сейчас могу выдумывать — есть у подростков из условно рабочих семей. Вторые, кажется, больше пользуются городом, первые же городом фактически не пользуются. Тогда можно было бы предположить, что в развитие первых должен был быть внесен какой-то более серьезный вклад. Но предполагаю, что это не так.

К.П.: Я, конечно, на этот вопрос не отвечаю, потому что я тоже не знаю, нужна ли условная крыса или какую крысу нужно носить за хвост, чтобы через двадцать лет быть успешным. Я не знаю ответа, и никто не знает. Ушло это — и, может быть, слава богу. Но абсолютно важна эта способность проявлять самостоятельность и быть активным. Это специфическая характеристика человеческого капитала, и сейчас она считается одной из важнейших характеристик. Я с этим согласна. Способен ли ребенок или человек вообще к активной самостоятельности — это, наверное, и будет определять не только карьеру, но и выживаемость, счастье, в зависимости от того, что мы считаем мерилем. Вот это безусловно должно быть — активная самостоятельность. А как ее достичь — это уже вопрос в том числе к психологам, педагогам.

Модератор: Я согласен с вами, Ксения, по поводу самостоятельности. А главное, что ситуация с ней усугубляется современным городом и технологиями, которые очень сильно инфантилизируют и геймифицируют даже те вещи, которые раньше нужно было преодолевать и через это преодоление получать какую-то самостоятельность.

KARINE NIKOGOSYAN, KSENIA PAVLENKO, KIRILL
PUZANOV, MARIA SOKOLOVA, ANASTASIYA
YURKEVICH

TEENAGERS AND THE CITY:

WELCOME OR NO TRESPASSING

Karine S. Nikogosyan, Research Fellow, Senior Lecturer, Vysokovsky Graduate School of Urbanism Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: knikogosjan@hse.ru

Ksenia V. Pavlenko, PhD in Sociology, Analyst, Center for Modern Childhood Studies, Institute of Education, HSE University; 16 bldg. 10 Potapovskiy Pereulok, Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: kpavlenko@hse.ru

Kirill A. Puzanov, PhD in Geography, MA in Sociology, Associate Professor, Head of Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: kpuzanov@hse.ru

Maria V. Sokolova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Pre-School Psychology, Senior Research Fellow, Center for Psychological Pedagogical Expertise of Plays and Toys, Moscow State University of Psychology and Education; 29 Sretenka Street, Moscow, 127051, Russian Federation.

E-mail: sokolovamw@mail.ru

Anastasiya Yu. Yurkevich, Landscape Architect, Specialist in Participatory Design.

E-mail: urtika-urens@yandex.ru

Abstract

The transition to adulthood generally occurs in urbanized environments. For children's communities and particularly for teenagers as a separate group, the question of their interactions with urban spaces arises. The city is a place for meeting and hanging out. It is important in the socialization of teenagers. In the last few years, the problem of a comfortable city has been extensively discussed. Discourse on child-friendly cities also taken place. It raises a variety of the issues such as safety in the urban space, the marginalization of teenagers, independent mobility, etc. This paper discusses the process of teenagers and city interactions, teenagers' strategies of reclaiming urban space, and spatial segregation.

Keywords: city; urban environment; teenagers; public space; participatory design

Citation: Nikogosyan K., Pavlenko K., Puzanov K., Sokolova M., Yurkevich A. (2020) Teenagers and the City: Welcome or no Trespassing. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 3, pp. 7–19. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5320207-19>